

тунъ,—имѣлъ злобу на дѣвицу Алтухову за то, будто бы, что онъ, по оговору покойной, былъ наказанъ за пьянство. Лобановъ также злился на Алтухову за то, что она была по щекамъ свою служанку Ковардину, любовницу Лобанова. Когда эта послѣдняя пожаловалась Лобанову, онъ сказалъ:

— Ну, мы все это воротимъ, мы нарядимъ ей на кривое веретено.

Лобановъ, по дознанію Геттуна, и прежде имѣлъ съ Щеплюхинымъ тайные переговоры. Борзенковъ же побужденъ былъ къ преступленію желаніемъ удовлетворить своей страсти.

Такимъ образомъ, Геттунъ привезъ въ Петербургъ изслѣдованіе, которое вполнѣ обѣляло Ширкова. Фактъ убійства пьяной шайкой Геттунъ выставилъ безусловно вѣрнымъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ одномъ мѣстѣ своего доклада Геттунъ коснулся предположенія объ убійствѣ Алтуховой Ширковымъ, о чемъ въ Львовскомъ уѣздѣ держались упорные слухи, но категорически отвергъ его. «Ширкову,—утверждалъ Геттунъ,—съ его камердинеромъ невозможно было умертвить Марію Алтухову, перенести ея трупъ на дрожки и посадивши на нихъ отправить, при чемъ трупъ придерживалъ бы только одинъ камердинеръ Филипповъ, которому въ 1813 году было съ небольшимъ двадцать лѣтъ. Кромѣ того, въ саду у плетня, гдѣ бы Ширковъ могъ убить свою жертву, не найдено было слѣдовъ крови или другихъ какихъ-либо признаковъ убійства»...

Слѣдствіе Геттуна дало возможность Ширкову вздохнуть свободно. Дѣло его было направлено въ уголовную палату и львовскіе судейскіе чиновники отстали отъ него. Чего же было лучше, когда петербургскій довѣренный слѣдователь министерства полиціи совершенно выгородилъ Ширкова изъ судебного дѣла и въ благопріятномъ для него смыслѣ сдѣлалъ представленіе самому министру полиціи... Ширковъ былъ доволенъ, но мать убитой дѣвушки не мирилась съ дѣйствіями Геттуна. Она лично просила петербургскаго чиновника о томъ, чтобы онъ, по самой сущей справедливости, постарался раскрыть всю истину дѣла. Геттунъ на это, по словамъ матери Алтуховой, отвѣчалъ:

— Я для того и присланъ!

— Я—говоритъ Алтухова, ожидала этого съ довѣріемъ и упова на правосудіе, которое всегда бываетъ подкрѣпляемо божескими законами, но вскорѣ къ пущей горести своей узнала, что г. Геттунъ повелъ дѣло особымъ одностороннимъ образомъ и нѣсколько разъ допрашивалъ только человека нашего Лобанова и съ большою заботливостью домогался отъ него признанія и даже на него была наложена цѣпь. Къ тому же и дворовая женщина наша Прасковья Ковардина была истребована львовскимъ земскимъ судомъ и представлена къ Геттуну, а потомъ, будучи беременною, содер-